Елена Исаева

Летопись двух жизней

Валентин Курбатов и Пелагея Порсева

Елена Исаева

Летопись двух жизней: Валентин Курбатов и Пелагея Порсева

https://litres.ru/74982653
SelfPub; 2026

Аннотация

«Больше чем полвека имею за плечами своей жизни, но редко встречал таких матерей, как моя мама», — в этих словах Георгия, сына Пелагеи, — сердце книги.

Перед вами - бережно собранная история семьи Курбатовых — из метрических записей, листов переписи, старых фотографий, краеведческих трудов и семейных рассказов. Она ведёт от подьячего Афанасия, служившего в 1678 году, до середины XX века. В центре повествования — сарапульский шорник Валентин Курбатов и его жена Пелагея Порсева, пришедшая из деревни Юриха. Через их будни, ремесло, радости и потери проступает жизнь Сарапула: смена обрядов, революция, закрытие Никольской церкви, работа шорной артели, возвращение сыновей с войны. Это попытка сохранить память о мире, который почти исчез.

Елена Исаева
Летопись двух жизней: Валентин Курбатов и Пелагея Порсева

Летопись двух жизней: Валентин Курбатов и Пелагея Порсева

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Память как дыхание

Несколько лет назад мы знали о них только имена. Валентин Курбатов, прадед, отец дедушки Гриши которого никто из ныне живущих уже не застал. Пелагея Порсева, прабабушка. Ни дат, ни профессий, ни фотографий — только смутные тени в семейных преданиях, обрывки рассказов, пересказанные мамой со слов дедушки, а дедушке — от его матери.

Постепенно картина начала складываться. Первым важным шагом стала помощь краеведа Николая Леонидовича Решетникова: он передал нам выписки из переписей. Затем мы обратились к двухтомнику Александра Потапова «Родословие Сарапульских фамилий», где проследили историю Курбатовых от подьячего Афанасия до начала XX века.

Следующими источниками стали архивы и музеи Сарапула и Ижевска: метрические книги, ведомости, списки жителей, планы усадеб. Завершили мозаику воспоминания тётушек и сохранившиеся фотографии.

Каждый документ — пожелтевший, ломкий, хранящий запах времени — приближал нас к пониманию того, кем были наши предки.

Мы собирали их жизнь по крупицам, как собирают мозаику. Один кусочек — из переписи 1897-го: восемнадцать лет, холост, шорник, грамотный, живёт с матерью. Другой — из метрики 1904-го: жених, двадцать шесть лет, невеста — шестнадцатилетняя Поля. Третий — из списков артели 1928-го: мастер, пятьдесят лет, на иждивении четверо. Четвёртый — из свидетельства о смерти 1936-го: туберкулёз, пятьдесят восемь лет, вдова Пелагея. Архивы хранят даты, имена, цифры. Чувства остаются в тени.

Но когда я стою на Старцевой горе и смотрю на Каму, когда читаю пожелтевшие метрики, когда провожу пальцем по плану усадьбы на Пугачёвской — мне кажется, что я слышу их дыхание. Скрип шила, прокладывающего дорожку в коже, стук швейной машинки «Зингер», мерный шаг по деревянному полу, детский смех, плач младенца, шёпот молитвы.

Они были мастерами. Он делал вещи, которые служили долго, дольше человеческой жизни. Хомуты и уздечки истлели, сгинули в пожарищах войн и переездов. Она шила одежду, которая износилась, ставила пиво, которое выпили, рас-

тила детей, которые ушли.

Остались только бумаги, фотографии, память.

И мы.

Глава первая
КОРНИ

Прежде чем Валентин встретил Полю, прежде чем они стали мужем и женой, отцом и матерью, прадедом и прабабушкой, — прежде всего этого были другие жизни, другие судьбы, другие имена. Род Курбатовых и род Порсевых текли параллельно, пока не соединились в октябрьский день 1904 года.

Но чтобы понять их встречу, нужно увидеть, откуда они пришли.

Афанасий. Подьячий

1678 год. До Петровских реформ — почти полвека. Россия — ещё Московское царство, ещё с приказами и дьяками, с боярской думой и стрелецкими бунтами в недалёком будущем. Вятка — дальняя окраина, лесная, речная, медвежья. Здесь, в Сарапуле или окрестностях, служит подьячий Афанасий Курбатов.

Подьячий — не дьяк, не боярин, не дворянин. Мелкий служилый человек, канцелярист, писец. Но в те времена

именно подьячие держали на себе всю тяжесть государственного делопроизводства. Они писали указы и памяти, челобитные и поручные записи, купчие и духовные грамоты. Писали на столбцах — длинных лентах бумаги, склеенных вертикально, свитых в рулоны. Писали быстро, красиво, почти без помарок, каллиграфическим полууставом, где каждая буква — как солдатик в строю.

Служба подьячего была наследственной. Сын учился у отца, перенимал почерк, запоминал формуляры документов, вникал в хитросплетения приказной волокиты. И передавал дальше — внукам, правнукам.

Мы не знаем, как выглядел Афанасий. Не знаем, был ли он высок или низок, рус или сед, носил ли бороду или брился по тогдашней моде. Знаем только одно: он жил. Писал. Служил. Оставил потомство. Он жил до 1710 года.

Известно также о Петре Курбатове 1686 г.р., который был женат на Марфе Яковлеве 1688 г.р. и, что они бежали до 1735 г.

Также в летописи семьи Курбатовых отмечен Андрей, но мы не знаем ни дат его жизни, ни рода деятельности, ни о членах его семьи.

И потомство это — через сто, двести, триста лет — приведёт к мальчику Валентину, родившемуся в Сарапуле в марте 1878 года.

Степан. Купец и раскольник

XVIII век. Вятка входит в состав Российской империи уже твёрдо, без колебаний. Сарапул — ещё не уездный город, но уже заметное поселение на Каме. Здесь селятся купцы, заводят кожевенные и мыловаренные заводы, торгуют с Астраханью, Москвой, даже с Персией.

Степан Курбатов, прапрапрадед Валентина, родился в 1747 году. По документам числится купцом. По вере — раскольником.

Быть купцом и раскольником в XVIII веке — значит жить на грани. С одной стороны, старообрядцы слывут лучшими торговцами: честными, трезвыми, работящими, с крепким словом и твёрдой рукой. С другой — их не любят власти, притесняют, штрафуют, требуют перехода в единоверие или официальное православие.

У Степана — кожевенный завод. Выделывает юфть — особую кожу красного дубления, которую в Европе называли «русской». В год — пятьсот кож. Каждая — трёх с половиной рублей себестоимостью. Продаёт на полторы тысячи рублей ежегодно. По тем временам — солидный оборот.

О Степане известно немногое. У него была жена — то ли Васса Степанова (по Потапову), то ли Наталья из деревни Грязнуха, дочь крестьянина Афанасия Серебровых (по книге Вятского наместничества, 1787 г.). Источники путаются, противоречат друг другу. Но для нас важен не столько сам Степан, сколько то, что он передал потомкам: ремесло, свя-

занное с кожей, и веру, не совпадающую с официальной.

Оба эти дара — тяжёлые. Ремесло — потому что кожа не прощает лени, её нужно кроить, тачать, пробивать шилом, дратвой шить, и руки от этой работы грубеют на всю жизнь. Вера — потому что за неё можно лишиться прав, попасть в списки «раскольников от рождения», быть записанным в сектанты.

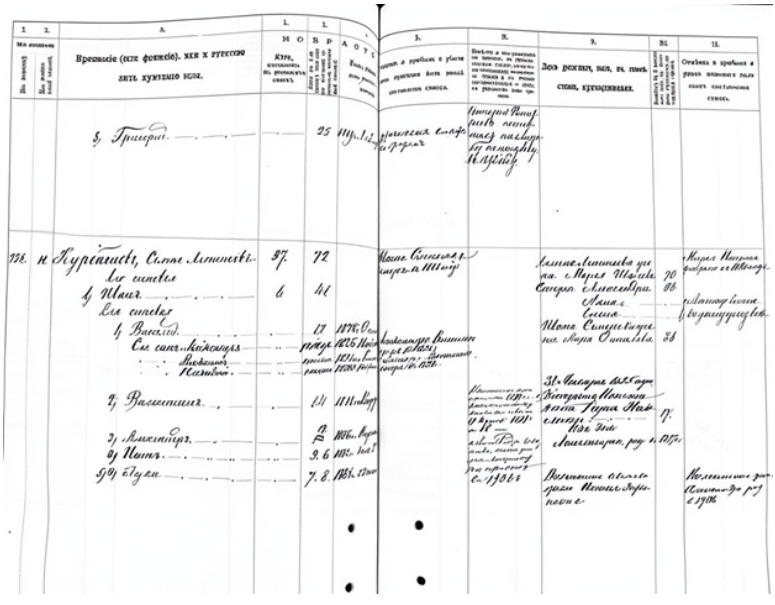
Но оба дара — прочные. Ими жили. Их передавали.

Леонтий, Семён, Иван

От Степана — к Леонтию, родившемуся в 1785-м (Книга Вятского наместничества 1787 и 1796). От Леонтия — к Семёну, 1821 года рождения. От Семёна — к Ивану, отцу Валентина.

Леонтий был дважды женат. Первая супруга – Анна Афанасьева 1785 г.р, вторая – Настасья 1764 г.р., дочь крестьянина Афанасия Сергеева Мерзлякова из д. Грязнуха (Книга Вятского наместничества, 1796 г.).

Семен был женат на Марье Ивановне 1822 г.р. и умершей в 1896 г.

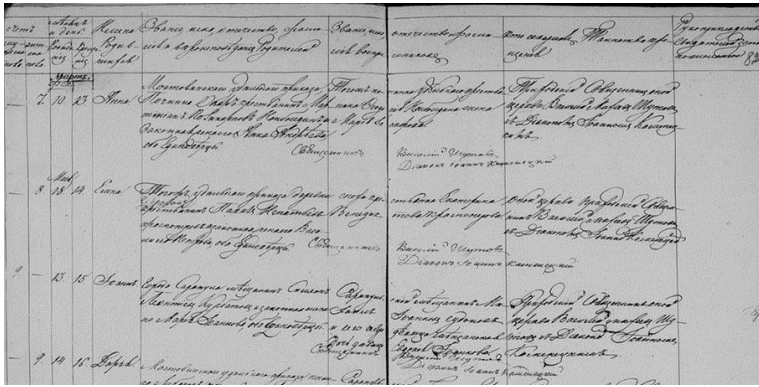


Посемейный список мещан г. Сарапула за 1893 г. с дополнениями, семья 338 (Курбатовы). Архив г. Сарапула. Ф. 76. Оп. 1. Д. 4. Л. Л. 262 об., 263.

С каждым поколением Курбатовы делают шаг от раскола к официальной церкви. Леонтий и Семён уже записаны единоверцами. Единоверие — мост, компромисс: старый обряд, новые священники, признание Синода. Можно молиться по-старому, но не быть гонимым.

Иван Семёнович Курбатов родился 13 марта 1851 года.

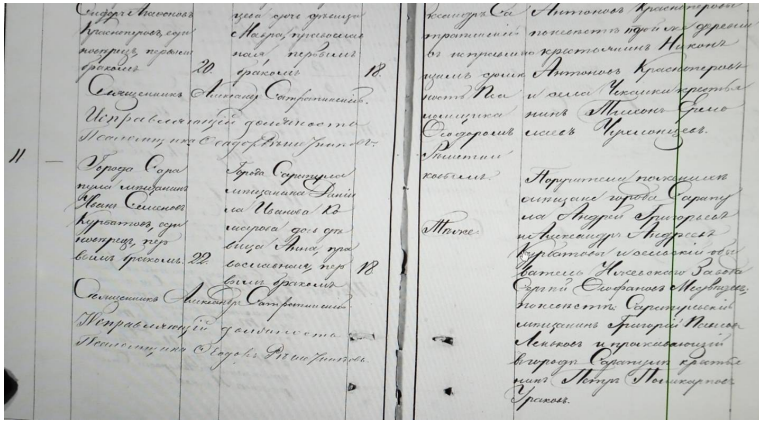
Крестили его в Никольской единоверческой церкви Сарапула — той самой, где через полвека будут венчать его сына, крестить внуков, отпевать правнуков.



Метрическая книга записи родившихся, бракосочетавшихся и умерших по приходу Никольской единоверческой церкви за 1851 год. ГКУ «ЦГА УР» Ф. 433.Оп. 1, Д.18, Л. 339 об.,340.

Сарапул. Нач. XX в. Никольская единоверческая церковь. Фото из открытых источников. А. Еговкин.

30 января 1874 года Иван венчался с Анной Даниловной Комаровой, дочерью мещанина Данилы Иванова Комарова. Ей тогда было девятнадцать, ему — двадцать три.



г. Сарапул. Никольская единоверческая церковь . Метрическая книга записи родившихся, бракосочетавшихся и умерших по приходу церкви за 1874 год. ГКУ «ЦГА УР».

Из этого брака родилось пятеро сыновей: Василий (1874), Валентин (1878), Александр (1881), Иван (1882), Лука (1884).

Иван прожил недолго. Тридцать семь лет. Умер в 1888-м, оставив Анну вдовой с пятью мальчиками на руках. Старшему, Василию, — четырнадцать. Младшему, Луке, — четыре.

ЦГА УР. Ф 236. Перепись населения 1895-1897, 1897 год, г. Сарапул. Ф 236, оп. 1, д. 185. Сарапульский уезд. Вятская губерния. Первая перепись.

В переписном листе 1897 года семья Курбатовых записана так: вдова, четверо сыновей, мещанское сословие. В Сарапульском уезде почти всё население составляли крестьяне, городских жителей было около пяти процентов, и Курбатовы принадлежали к ним. Грамотность и ремесло были для них необходимостью: в уездном городе без умения читать и без дела не обойтись.

В доме вдовы Анны Даниловой Курбатовой кипела жизнь, где каждый сын по мере сил вносил свою долю в общее дело. Старшему, Валентину, шёл восемнадцатый год. Он уже был полноценным мастером шорного дела: кроил кожу, собирал упряжь, знал все тонкости ремесла. Примечательно, что гра-

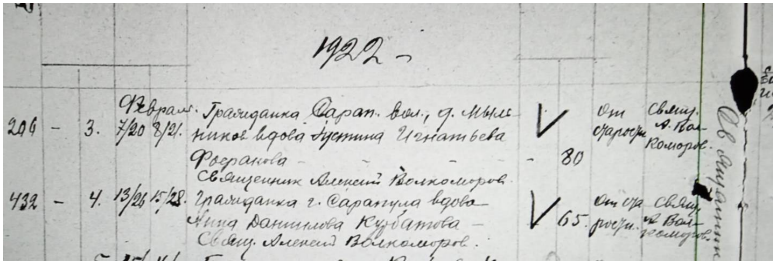
моте он выучился не в училище, а дома — и это умение помогало ему разбираться в расчётах и пометках.. Именно его труд держал семью.

Семнадцатилетний Александр выбрал городской путь — служил приказчиком в бакалейной лавке. Пятнадцатилетний Иван шёл по стопам старшего брата: он учился в земском училище и одновременно набирался мастерства как подмастерье шорного дела — впитывал ремесло через руки, через каждодневную работу рядом с мастером. Младший, двенадцатилетний Лука, пока оставался «при матери»: ходил в то же земское училище, осваивал буквы и присматривался к тому, как устроена взрослая жизнь.

Все братья были православными, говорили на русском, родились и были приписаны здесь, в Сарапуле. Семья не числилась в отлучке, жила на одном месте — и в этой оседлости, в привычном ритме городских мещанских будней тоже была своя надёжность: дом, улица, ремесло, выучка.

Анна Даниловна больше не вышла замуж. Она поднимала сыновей одна.

Анна Курбатова скончалась в возрасте 65 лет, в голодный 1922 год. В метрике записано, что она умерла от старости. Усопшую отпевал свящ. Алексий Волкоморов в Никольской единоверческой церкви.


1922 –

206	–	3.	7/20	8/21.	Гражданка Сарап. вол., д. Мыльников вдова Густина Игнатьева Фосранова – Священник Алексей Волкоморов	80	От старости	Свящ. А. Волкоморов
432	–	4.	13/26	15/28.	Гражданка г. Сарапула вдова Анна Данилова Курбатова – Свящ. Алексей Волкоморов.	65	От старости	Свящ. А. Волкоморов

г. Сарапул. Никольская единоверческая церковь . Метрическая книга записи родившихся, бракосочетавшихся и умерших по приходу церкви за 1922 год.

Порсевы. Удельные крестьяне

Пока Курбатовы поднимались из подьячих в купцы, переходили из купцов в мещане, пока выделывали кожу и торговали юфтью, в деревне Юриха, жили Порсевы.

Они не были ни купцами, ни мещанами. Они были удельными крестьянами. Это значило, что земля, на которой они работали, принадлежала не помещику, а государству — удельному ведомству, и за пользование ею платили оброк. Не крепостные — вольные, но вольность та была относительной: земля не отпускала, труд не становился легче от того, что ты не чей-то, а сам по себе. Напротив: вся ответственность за урожай, за скотину, за крышу над головой ложилась на свои же плечи.

О Порсевых известно меньше, чем о Курбатовых. У них

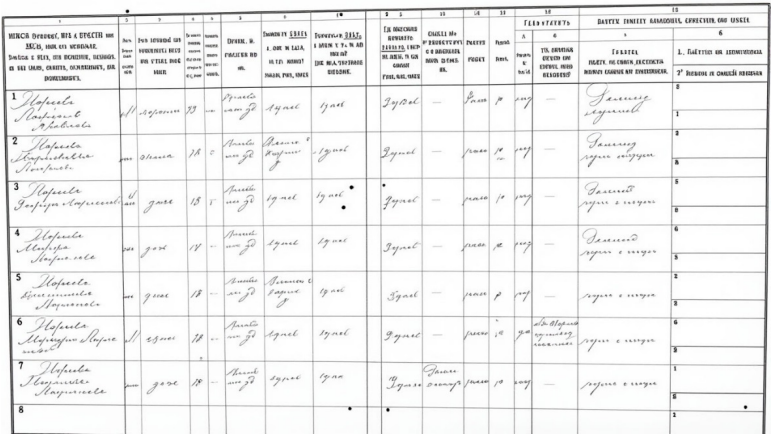
не было своего подьячего Афанасия в XVII веке, не было купца Степана с кожевенным заводом. Они были просто крестьянами — из поколения в поколение пахали, сеяли, жали, растили детей, платили подати.

По вере Порсевы относились к беглопоповцам.

Илларион Яковлев Порсев, отец Пелагеи, родился в 1840 году. Был крестьянином, раскольником. В официальных бумагах его жена Параскева Андреева значилась «сводной женой» — потому что брак не был освящён официальной церковью, а значит, по законам Российской империи, не имел юридической силы.

Император Николай I не признавал раскольничьи семьи семьями. Так, сожительства. И потому дети, рождённые в таких союзах, считались незаконнорождёнными, хотя никакой «незаконности» в их появлении на свет не было — была любовь, был труд, была общая жизнь до гроба.

Параскева Андреевна была родом из Вятского уезда. Пришла в Юриху чужой, пришлась к дому, к мужу, к его укладу. И, видно, приняли её — иначе не родила бы она пятерых: Захара (1879), Марфу (1882), Кристину и Меркурия (1884), Пелагею (1888).



Первая всеобщая перепись населения 1895-1897гг. архив г. Сарапул. Ф. 236. Оп.1. Д. 185.

Илларион Яковлевич к моменту рождения Поли уже разменял пятый десяток. По меркам того времени — возраст почти старости. Параскеве едва минуло двадцать семь. Эта разница в полтора десятка лет — не редкость для крестьянских браков: брали девок смолоду, чтоб и рожать успевала, и работать в полную силу.

Деревня Юриха. Сарапульский район, Удмуртская Республика. Фото Исаевой Е.В.

Деревня Юриха. Сарапульский район, Удмуртская Республика. Фото Исаевой Е.В.

Река Юриха. деревня Юриха, Сарапульский район, Удмуртская Республика. Фото Исаевой Е.В.

Глава вторая
ДВЕ РЕКИ
1878–1904

Валентин. Детство

5 марта 1878 года в семье сарапульских мещан Курбатовых родился мальчик. Нарекли Валентином — имя редкое для крестьянской и мещанской среды, более привычное для духовенства или дворян. Но родители рассудили иначе, и 9 марта священник Кирилл Рябов с дьяконом Василием Рябовым совершили таинство крещения в Никольской единоверческой церкви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.